

6

ИМПРОВИЗИРУЙТЕ!

Он уже размышлял над следующим фильмом. Хичкоку понравилась свобода, предоставленная ему Universal Pictures, и он с удовольствием продолжил работу со студией. Настроение поднимал и тот факт, что в результате успеха «Диверсанта» Селзник увеличил его гонорар. Сам Хичкок получил 50 000 долларов, и это несколько ослабило недовольство тем, что продюсер его эксплуатирует. Идея нового фильма пришла к нему за ланчем в начале мая 1942 г., когда Гордон Макдоннел, муж редактора сценарного отдела студии, рассказал любопытный случай из жизни. Так появился фильм «Тень сомнения» (Shadow of a Doubt). Макдоннел изложил свою версию истории, а Хичкок, увлекшись идеей, набросал сценарный план и предложил его студии. Идея была неотразима. В маленький городок приходит зло. Убийца-социопат скрывается от внимания полиции в провинциальном городе, якобы приехав навестить родственников, с которыми давно не виделся; все ему рады, но племянница вскоре начинает сомневаться в намерениях и даже в здравом уме «дядюшки Чарли».

Именно так и предполагалось назвать фильм. Хичкок хотел, чтобы сценарий написал Торнтон Уайлдер, автор пьесы «Наш городок» (Our Town), драмы из жизни простых людей в выдуманном городе Гроверс-Корнерс в Нью-Гемпшире. Вероятно, согласие

Уайлдера удивило Хичкока. Режиссер уже привык, что известные писатели отвергали его предложения, зачастую почти не скрывая презрения.

Оба хотели достоверно изобразить американское общество и выбрали для изучения город Санта-Роза в Калифорнии. Они нашли подходящую главную площадь, подходящую библиотеку, подходящую улицу и подходящий дом (частично воссозданный на съемочной площадке в студии), беседовали с местными жителями, выискивая характерные особенности или фразы, которые можно было бы использовать. Вернувшись в Голливуд, Хичкок и Уайлдер тут же приступили к работе, пока воспоминания были еще свежи. Утром они обсуждали, что предстоит сделать за день, и в письме другу Уайлдер сообщал, что «во время долгих бесед мы сочиняли новые повороты сюжета и смотрели друг на друга в удивленном молчании, словно спрашивая: «Полагаете, публика это выдержит?» После обеда писатель записывал придуманные сцены в блокнот, оживляя их, как он сам выражался, «известной неприязнью Уайлдера к семейной жизни». У обоих имелось такое ясное представление о сюжете, что соблюдать хронологию было не обязательно; фильм уже имел органичную форму, не нуждающуюся в совершенствовании.

Хичкоку был очень близок по духу характер дядюшки Чарли, веселого и приятного в общении, но в глубине души затаившего маниакальную ненависть к обществу. Режиссер также получал удовольствие от съемок консервативной американской семьи из маленького городка, в которую попадает этот типично американский Носферату. На поверхность прорвались все тревожные ожидания и страхи Хичкока, притаившиеся под фасадом обыденной жизни. Когда Джозеф Коттен, приглашенный на роль дядюшки Чарли, поделился с Хичкоком своими сомнениями, тот ответил: «Просто будьте собой». Это и определило триумф реализма в фильме. Все были просто «собой» — легкомысленная, но симпатичная мать, медлительный, но надежный отец, сообразительная племянница — причем в аутентичной обстановке. Это была вторая после «Саботажа» попытка Хичкока воспроизвести на экране американский образ жизни.

Первоначальное название сменили на «Тень сомнения», вероятно, из уважения к мрачным теням фильма, но Хичкок практически не отступил от оригинального сценария Торнтон Уайлдера. Тереза Райт, игравшая племянницу, которая раскрыла правду о дяде, вспоминала, что Хичкок «полностью представлял себе фильм еще до начала съемок, как будто в голове у него имелся маленький кинозал». Он сидел за письменным столом сложив руки на груди и обсуждал каждую сцену со своим оператором и другими коллегами. В августе 1942 г., когда съемочная группа была полностью собрана, начались съемки.

Фильм «Тень сомнения» задумывался как реалистичный, но Хичкок всегда предпочитал искусственную обстановку павильона. Его художник-постановщик рассказывал, что они «снимали несколько дублей на натуре, минимальное количество, а потом он любил работать в контролируемой обстановке павильона... он был готов пожертвовать многим, чтобы получить этот контроль». Тем не менее иногда Хичкок с удовольствием импровизировал. Сохранилась его фотография на съемках «Тени сомнения», где он смотрит в объектив камеры. Режиссер утверждал, что никогда не позволял себе такого, но разве фотография может обманывать? В любом случае у него была привычка располагаться на стуле прямо под камерой.

Основой всего была синхронизация. Как вспоминала Райт, «если актер барабанил пальцами, это был не просто рассеянный жест; в нем присутствовали ритм и мелодия — нечто вроде музыкального рефрена. Когда персонаж ходил, шелестел газетой, вскрывал конверт или насвистывал, когда вы слышали хлопанье крыльев птицы или другой внешний звук — все это было тщательно продумано и организовано. Хичкок составлял настоящую партитуру звуковых эффектов, словно делал оркестровку для отдельных музыкальных инструментов». Бывало, что эффекты возникали случайно; например, когда дядюшка Чарли прибывает на железнодорожную станцию в Санта-Розе, солнце многозначительно прячется за облаками.

Ассоциация с музыкой усиливалась настойчивым использованием эффекта удвоения — племянница Чарли и дядюшка Чарли,

два детектива, два ребенка, две сцены за ужином, кадры в баре «До двух», где подают два двойных бренди, парочки, танцующие вальс из «Веселой вдовы», и т. д. Считалось, что все это сознательный расчет, призванный подчеркнуть двойственность центрального персонажа или даже смесь комедии и саспенса, которой насыщен фильм, однако это могло получиться произвольно, как следствие музыкального ритма фильма. Большая часть того, что приписывалось сознательному использованию символизма режиссером, хотя он, по крайней мере в частном порядке, это высмеивал, могла быть просто вынужденной интерпретацией случайностей или совпадений. Сам Хичкок рассуждал об интерпретациях неопределенно и туманно, как будто не желал слишком тщательно анализировать свои намерения. Он с радостью предоставлял критикам и ученым возможность высказывать собственные предположения, прекрасно понимая, что таким образом укрепляет свою репутацию среди интеллектуалов и университетских преподавателей, но в то же время относился к этим интерпретациям с долей иронии.

Свой сорок третий день рождения, который пришелся на начало съемок фильма «Тень сомнения», Хичкок отметил с характерным для него мрачным юмором. Он приставил к горлу длинный разделочный нож; присутствующие, увидев его улыбку, тоже рассмеялись. Но плохие новости не заставили себя долго ждать. Мать Хичкока уже некоторое время страдала от острой почечной и кишечной инфекции и осенью того же года умерла в доме в Шамли-Грин. Пять месяцев спустя умер старший брат режиссера, предположительно приняв большую дозу паральдегида. Самоубийство могла спровоцировать смерть матери, но точно этого никто не знает. Он много пил, и смертельная смесь лекарств и алкоголя так или иначе убила бы его. Свой вклад в трагедию внесли и тяготы войны.

О реакции Хичкока на эти две смерти ничего не известно, но за следующие несколько месяцев он сильно похудел. Смерть манила его. К концу 1942 г. Хичкок сбросил 45 килограммов, что сильно обеспокоило Дэвида Селзника. Он писал: «Я искренне и серьезно волнуюсь из-за резкого похудения Хича. Надеюсь, у него есть врач — в противном случае однажды утром может прийти шоки-

рующее известие о сердечном приступе или о чем-то подобном». В результате медицинского обследования, которое требовалось для получения страхового полиса, Хичкок выяснил, что у него увеличенное сердце и грыжа. Он так боялся медицинских процедур, что отказался от операции на брюшной полости и предпочел носить бандаж. В страховке ему отказали.

Смерть матери имела и другие последствия. Здоровье Эммы Хичкок ухудшилось еще во время подготовки и съемок «Тени сомнения». В фильме мать тоже зовут Эммой, и Патриция Коллиндж играет добрую и любящую женщину; похоже, в этом образе воплотились некоторые черты Эммы Хичкок, в том числе привычка кричать по телефону, словно ее голос должен преодолеть расстояние до собеседника. Впоследствии Хичкок вспоминал, что испытывал «постоянную тревогу из-за войны, а также из-за ее ухудшавшегося здоровья. Мысли о ней не выходили у меня из головы. Полагаю, если мы размышляем о таком персонаже, как мать, то вполне естественно начинать со своей. Вполне разумно предположить, что мать из «Тени сомнения» — вымысел, основанный на моих воспоминаниях». Наверное, это одно из немногих откровенных высказываний Хичкока. Он не хотел никого подпускать слишком близко.

Столь же сдержанно он высказывался о самом фильме. Один из его первых поклонников, Гордон Макдоннел, который первым рассказал Хичкоку эту историю, написал ему, что «вы явно вложили всего себя в эту картину». Хичкок мог бы отвергнуть этот комплимент. Иногда он говорил, что это был его «любимый» фильм, иногда называл его «одним из любимых», а иногда — «картиной, которая принесла мне наибольшее удовлетворение». Большинство критиков причисляет фильм к лучшим работам режиссера. Таков вердикт потомков. В то время «Тень сомнения» считалась всего лишь увлекательным криминальным триллером. Говорят, существует всего две разновидности историй: одна из них — о путешествии, а вторая — о приезде незнакомца в город. Хичкоку удастся передать подозрительность и тревогу, напряжение и даже ужас второго варианта. Мы уже сталкивались с его трюком, когда он бросал пустую чайную чашку через плечо. Все очень хрупко; все может разбиться.

Фильм вышел в прокат в начале 1943 г., но двумя месяцами раньше Селзник уступил режиссера тому, кто предложил бóльшую цену. Звучит довольно резко, но Хичкок бы полностью согласился с этим. Джозеф Коттен вспомнил ремарку самого Хичкока об актерах и заметил: «Вижу, что режиссеров продают, как скот». В ноябре 1942 г. Хичкок перешел в сферу влияния продюсера Дэррила Ф. Занука и компании Twentieth Century Fox.

У Хичкока уже имелось предложение для нового работодателя. Он обдумывал идею «фильма о спасательной шлюпке», который мог бы раскрыть непростые взаимоотношения в охваченном войной мире. Его также увлекали технические сложности съемки в ограниченном пространстве шлюпки. Хичкока интересовала идея о несовместимых пассажирах спасательной шлюпки, оказавшихся вместе посреди бурного моря, после того как их корабль был потоплен подводной лодкой; это можно рассматривать как метафору и жизни и войны.

Хичкок начал работу над сценарным планом сразу же после перехода в Twentieth Century Fox. В отсутствие Занука, которого призвали в армию — он был полковником войск связи, — продюсером картины стал Кеннет Макгоуэн. Хичкок, Макгоуэн и Альма сочинили наброски сценария, но им требовался и известный, а еще лучше знаменитый автор, имя которого вызывало бы доверие ко всей затее.

С предложением написать сценарий Хичкок обратился к Хемингуэю, но писатель отказался. Затем Макгоуэн и Хичкок связались со Стейнбеком, чей роман «Гроздь гнева» (*The Grapes of Wrath*) три года назад экранизировала компания Twentieth Century Fox. В то время Стейнбек был свободен и снимал дом в Голливуде. Это была удача. По всей видимости, Стейнбек тоже так думал и еще до подписания контракта сочинил «повесть», как он сам ее назвал, на сотню страниц. Получилось нечто не слишком вразумительное.

Затем Стейнбек улетел в Нью-Йорк, собираясь отправиться на европейский театр военных действий в качестве военного корреспондента *New York Herald Tribune*. Хичкоки последовали за ним, рассчитывая подробно обсудить сценарий. Стейнбек пребывал в заблуждении, что его работа почти закончена, но Хичкок, естественно, настаивал на изменениях и дополнениях. Писатель сочинил

рассказ от лица одного из выживших, но для кинематографа это не очень подходило. Впоследствии Стейнбек назвал Хичкока «одним из тех удивительных английских снобов среднего класса, которые действительно презирают рабочих». Судя по этим словам, Стейнбек не понимал или не давал себе труда понять мотивы режиссера. Возможно, его сбивали с толку манеры Хичкока или его акцент — а возможно, и то и другое. Сотрудничества не получилось.

Затем сценарий прошел через нескольких писателей, и последний из них, Джо Сверлинг, не слишком придерживался оригинальной версии Стейнбека. Он подтвердил, что «после первого прочтения сценария Стейнбека я больше не обращался к нему, как и все остальные, кто работал над фильмом». Тем не менее имя Стейнбека осталось в титрах, возможно, из-за подписанного контракта или с целью убедить публику в серьезности фильма. Руководил всем Хичкок, который вместе со Сверлингом придумал многие сцены и эпизоды. Летом 1943 г. Занук, неожиданно вернувшийся из армии, пришел в ярость из-за того, что подготовка рабочего сценария заняла столько времени. Когда Хичкок снимал еще первые сцены, продюсер провел хронометраж и с удивлением обнаружил, что законченный фильм может растянуться до двух часов. Он отправил записку режиссеру с просьбой «полностью исключить некоторые элементы».

Хичкок всегда точно рассчитывал время. Фильм уже существовал у него в голове. Он ответил Зануку: «Не знаю, кому вы поручили хронометраж сценария, но в любом случае он вводит в вас в заблуждение самым ужасным образом. Я бы даже сказал, возмутительным образом». И подписался с иронией: «Ваш верный слуга Альфред Хичкок». Режиссер был прав, и после более тщательного хронометража вопрос отпал.

Съемки фильма оказались не менее трудными, чем подготовка. Возможно, технические сложности и привлекали Хичкока, но они не вызывали энтузиазма у исполнителей, которым, например, приходилось спускаться по веревочному трапу в маленькую лодку, плававшую в огромном резервуаре с водой. Они падали в воду или промокали до нитки из-за брызг, а лодку сильно раскачивали, чтобы вызвать у них «морскую» болезнь. Почти все актеры зарабо-

тали простуду — или того хуже. Таллула Бэнкхед, игравшая роль журналистки, вспоминала, что была «до полусмерти измучена потоками воды и качкой. Жара, яркий свет, искусственный туман, погружения в воду с последующей быстрой просушкой — из-за всего этого я в начале ноября заработала пневмонию».

Интересно, что актриса скорее «приободрилась», чем «упала духом». Она всегда искала во всем положительную сторону. И даже вызвала небольшой скандал на съемочной площадке своей привычкой не носить нижнего белья. Когда она поднималась по трапу и залезала в лодку, члены съемочной группы бросали жребий — счастливики получали возможность подглядывать за ней. Когда Хичкоку доложили о ситуации, он ответил, что это в компетенции цирюльника, а не режиссера. Он оставался с актрисой в дружеских отношениях; Бэнкхед любила выпить, обладала острым язычком, была озорной и отличалась извращенным умом. По всей вероятности, Хичкок часто увлекался красивыми блондинками, но ему нравились остроумные и даже злые на язык женщины, такие как Кэрол Ломбард и Таллула Бэнкхед.

«Спасательную шлюпку» (Lifeboat) приняли неважно. Съемки и окончательный монтаж заняли год, а не полгода, как планировалось, и студия не слишком удачно провела рекламную кампанию. Фильм восприняли как аллегорию войны, тогда как в сущности это был рассказ о полном опасностей приключении и о кризисе личности, фоном для которого служила война. Фильм повествует о разобщенной и неорганизованной группе американцев, которых обманывает спасенный ими немецкий офицер; он оказывается капитаном подводной лодки, потопившей их корабль, и постепенно уводит спасательную шлюпку к врагу. Некоторые яркие эпизоды, такие как ампутация ноги и самоубийство матери мертвого ребенка, производят очень сильное впечатление, но критики были убеждены, что фильм демонстрирует превосходство твердого характера нациста над слабостью и разобщенностью американцев. Хичкок тут же придумал оправдание, утверждая, что это призыв к Америке сплотиться против врага, но ущерб был уже нанесен. Режиссер вспоминал, что один из критиков дал фильму «десять дней на то, чтобы духу его не было в городе».